

СОХРАНЕННАЯ
КУЛЬТУРА

СТИХИ И ПОЭМЫ
А. С. ПУШКИНА

*с иллюстрациями
О. Биантовской*

СТИХИ И ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА

с иллюстрациями
О. Биантовской

К 75-ти летию со дня рождения
О. Биантовской

Санкт-Петербург
2016

УДК 769.2 + 82-1
ББК 85-15:84-5
ISBN 978-5-9908512-8-3

Стихи и поэмы А. С. Пушкина с иллюстрациями О. Биантовской
Санкт-Петербург, 2016. - 108 с.

Книга включает в себя стихи и поэмы великого русского поэта
Александра Сергеевича Пушкина, иллюстрированные ленинградским
и петербургским художником-графиком Ольгой Александровной Биантовской,
и рассказывает о творчестве художника.

Издается в рамках проекта «Сохраненная культура»
к 75-летию со дня рождения О. А. Биантовской.

Проект «Сохраненная культура»
Руководитель проекта и издатель В. Б. Наумов,
www.russianlaw.net

© Биантовская О. А., иллюстрации
© Мишина-Буковская Т. С., текст статьи, 2016
© Цветкова И. А., оформление и дизайн, 2016
© Наумов В. Б., составитель, заключительная
статья, 2016

Экземпляры и электронная версия книги рас-
пространяются бесплатно. В случае ее использо-
вания в соответствии со ст. 1274 ГК РФ требуется
указать ее название, «Проект «Сохраненная
культура» и ссылку на Интернет-адрес
www.russianlaw.net.
По всем вопросам использования просьба обра-
щаться по адресу naumov@russianlaw.net

Оглавление:

Предисловие	7
Домик в Коломне	9
Граф Нулин	39
Стихотворения разных лет	69
Т. С. Мишина-Буковская Пушкиниана Ольги Биантовской	84
Биография	90
О проекте «Сохраненная культура»	102

Иллюстрации

Серия «Домик в Коломне» 1987, 2002 гг. (цветная литогра-
фия, 38х25), стр. 8—37

Серия «Граф Нулин» 1982, 1985, 2002 гг. (цветная литогра-
фия, 38х25), стр. 38—67

Серия «А. Пушкин – годы жизни и творчества» 1987, 1999,
2002 г. (цветная литография, 36х30), стр. 71—83

Автопортрет, 1996, стр. 90

Предисловие

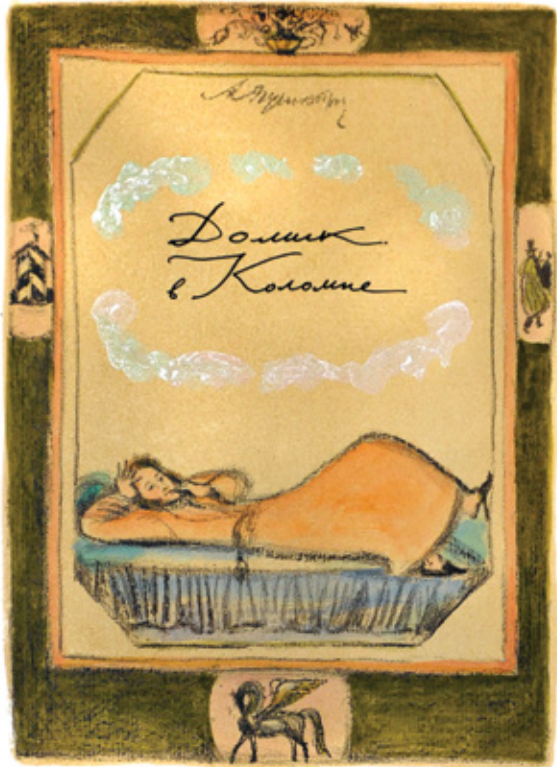
Ольга Александровна Биантовская родилась в 1941 году в Ленинграде. С самого детства, воспитываемая в семье архитекторов и ученых, Ольга Александровна любила рисовать и это на всю жизнь определило ее судьбу.

Классический петербургский стиль художника отличает изящество и доброта, позволяющие открыть глубины таланта и ярко представляющие темы ее графических произведений, книжных иллюстраций и театральных плакатов. Наиболее любимыми и близкими темами Ольги Биантовской были поэзия XIX века, Петербург, балет и сказки.

В этой книге зритель и читатель сможет не только наслаждаться стихами великого поэта, но и увидеть три серии работ, которые удивительно сочетают все четыре основных темы творчества художника. Книга издана в дни юбилея Ольги Александровны и представлена в сентябре 2016 года на ее персональной выставке во Всероссийском музее А. С. Пушкина на Мойке, 12.

В. Наумов

октябрь 9го - 1830 года

Фондано

Домик.
в Коромне

«Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву. —»

I

Четырестопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пушусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

II

А чтоб им путь открыть широкий, вольный,
Глаголы тотчас им я разрешу..
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Так писывал Шихматов богомольный;
По большей части так и я пишу
К чему? скажите; уж и так мы голы.
Отныне в рифмы буду брать глаголы.

III

Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую статью, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сберечь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужские слоги!
 Благословясь, попробуем: слушай!
 Равняйтесь, вытягивайте ноги
 И по три в ряд в октаву заезжай!
 Не бойтесь, мы не будем слишком строги;
 Держись вольней и только не плошай,
 А там уже привыкнем, слава богу,
 И выведем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести
 Под цифрами, в порядке, строй за строим,
 Не позволять им в сторону брести,
 Как войску, в пух рассыпанному боем!
 Тут каждый слог замечен и в чести,
 Тут каждый стих глядит себе героем,
 А стихотворец... с кем же равен он?
 Он Тамерлан или сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке.
 Что? перестать или пустить на пе?..
 Признаться вам, я в пятистопной строчке
 Люблю цезуру на второй стопе.
 Иначе стих то в яме, то на кочке,
 И хоть лежу теперь на канаве,
 Всё кажется мне, будто в тряском беге
 По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII

Что за беда? не всё ж гулять пешком
 По невскому граниту или на бале
 Лощить паркет, или скакать верхом
 В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,
 Со станции на станцию шажком,
 Как говорят о том оригинале,
 Который, не кормя, на рысаке
 Приехал из Москвы к Неве-реке.

VIII

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
 Его не обогнал бы. Но Пегас
 Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
 Иссох. Порос крапивою Парнас;
 В отставке Феб живет, а хороводец
 Старушек муз уж не прельщает нас.
 И табор свой с классических вершинок
 Перенесли мы на толкучий рынок.

IX

Усядся, муза: ручки в рукава,
 Под лавку ножки! не вертись, резвушка!
 Теперь начнем. — Жила-была вдова,
 Тому лет восемь, бедная старушка,
 С одною дочерью. У Покрова
 Стояла их смиренная лачужка
 За самой будкой. Вижу как теперь
 Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

11 — Теперь налетим — Жена — была вдова
 Тому лет восемь, была старушка
 С одним дочерью. —

4/10 — У Покрова
 Ставила их смиренную Лагушка
 За самую букву — 11

X

Дни три тому туда ходил я вместе
 С одним знакомым перед вечерком.
 Лачужки этой нет уж там. На месте
 Ее построен трехэтажный дом.
 Я вспомнил о старушке, о невесте,
 Бывало, тут сидевших под окном,
 О той поре, когда я был моложе,
 Я думал: живы ли они? — И что же?

XI

Мне стало грустно: на высокий дом
 Глядел я косо. Если в эту пору
 Пожар его бы охватил кругом,
 То моему б озлобленному взору
 Приятно было пламя. Станным сном
 Бывает сердце полно; много вздору
 Приходит нам на ум, когда бредем
 Одни или с товарищем вдвоем.

XII

Тогда блажен, кто крепко словом правит
 И держит мысль на привязи свою,
 Кто в сердце усыпляет или давит
 Мгновенно прошипевшую змию;
 Но кто болтлив, того молва прославит
 Вмиг извергом... Я воды Леты пью,
 Мне доктором запрещена унылость:
 Оставим это, — сделайте мне милость!

XIII

Старушка (я стократ видал точь-в-точь
В картинах Рёмбрандта такие лица)
Носила чепчик и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови — темные как ночь,
Сама бела, нежна, как голубица;
В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина,

XIV

Играть умела также на гитаре
И пела: Стонет сизый голубок,
И Выду ль я, и то, что уж постаре,
Всё, что у печки в зимний вечерок
Иль скучной осенью при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши грустная певица.

XV

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев.

XVI

Параша (так звалась красotka наша)
Умела мыть и гладить, шить и плесть;
Всем домом правила одна Параша,
Поручено ей было счеты вести,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный труд ей помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XVII

Старушка мать, бывало, под окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером за маленьким столом
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тем весь обегала дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль ни шел,
Всех успевала видеть (зоркий пол!).

XVIII

Зимую ставни закрывались рано,
Но летом дóночи растворено
Всё было в доме. Бледная Диана
Глядела долго девушке в окно.
(Без этого ни одного романа
Не обойдется; так заведено!)
Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка — на луну еще смотрела

XIX

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный,
Да стражи дальний крик, да бой часов —
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

XX

По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

XXI

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! всё гляжу направо,
Всё на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.

— Мне ниши кд её вы сердцу ближе,

С. С. С. С. С.

Или рави длу бех она была
Душою холота? увидиши ли нсе — ||

XXII

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой.

XXIII

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

XXIV

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, — она была несчастна.
Блаженнее стократ ее была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,
Косыночка крест-накрест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой; но пред ее окном
Всё ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

XXVI

Меж ими кто ее был сердцу ближе,
Или равно для всех она была
Душою холодна? увидим ниже.
Покаместь мирно жизнь она вела,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера).

XXVII

Но горе вдруг их посетило дом:
Стряпуха, возвратясь из бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,
И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред рождеством
Она скончалась. С бедною кухаркой
Они простились. В тот же день пришли
За ней и гроб на Охту отвезли.

XXVIII

Об ней жалели в доме, всех же боле
Кот Васька. После вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не доле —
Жить можно без кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу божьей воле.
Старушка кличет дочь: «Параша!» — Я! —
«Где взять кухарку? сведай у соседки,
Не знает ли. Дешевые так редки».

XXIX

— Узнаю, маменька. — И вышла вон,
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снег скрыпел, и синий небосклон,
Безоблачен, в звездах, сиял морозно.)
Вдова ждала Парашу долго; сон
Ее клонил тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо к ней вошла,
Сказав: — Вот я кухарку привела.

XXX

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая.
«А что возьмешь?» — спросила, обратясь,
Старуха. — Всё, что будет вам угодно, —
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI

Вдове понравился ее ответ.

«А как зовут?» — А Маврой. — «Ну, Мавруша,
Живи у нас; ты молода, мой свет;
Гоняй мужчин. Покойница Феклуша
Служила мне в кухарках десять лет,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смей».

XXXII

Проходит день, другой. В кухарке толку
Довольно мало: то переварит,
То пережарит, то с посудой полку
Уронит; вечно всё пересолит.
Шить сядет — не умеет взять иголку;
Ее бранят — она себе молчит;
Везде, во всем уж как-нибудь подгадит.
Параша бьется, а никак не сладит.

XXXIII

Поутру, в воскресенье, мать и дочь
Пошли к обедне. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болели зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но в церкви вдруг
На старую вдову нашел испуг.

Покойница Феклуша
случилась мне в кухарках десять лет,
Ни разу долга чести не наруша.

Ходи за мной, за дочерью моей, —
Усердна будь, присчитывать не смей.

XXXIV

Она подумала; «В Мавруше ловкой
Зачем к пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядит плутовкой!
Не вздумала ль она нас обокрасть
Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Так думая, старушка обмирала
И наконец, не вытерпев, сказала:

XXXV

«Стой тут, Параша. Я схожу домой;
Мне что-то страшно». Дочь не разумела,
Чего ей страшно. С паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетела;
В ней сердце билось, как перед бедой.
Пришла в лачужку, в кухню посмотрела, —
Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж? о боже! страх какой!

XXXVI

Пред зеркальцем Параша, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдовой?
«Ах, ах!» — и шлепнулась. Ее увидя,
Та, второпях, с намыленной щекой
Через старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

*«Через старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо.»*

«Да ну бежать, закрыв себе лицо.»

XXXVII

Обедня кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?» — Ах, Пашенька моя!
Маврушка... «Что, что с ней?» — Кухарка наша...
Опомнись досель не в силах я...
За зеркальцем... вся в мыле... — «Воля ваша,
Мне, право, ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — Ах, она разбойник!
Она здесь брилась!.. точно мой покойник! —

XXXVIII

Параша покраснелась или нет,
Сказать вам не умею; но Маврушки
С тех пор как не было, — простыл и след!
Ушла, не взяв в уплату ни полушки
И не успев наделать важных бед.
У красной девушки и у старушки
Кто заступил Маврушу? признаюсь,
Не ведаю и кончить тороплюсь.

XXXIX

— Как, разве все тут? шутите! — «Ей-богу».
— Так вот куда октавы нас веди!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликнули рать и с похвалюбою шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоученья?
«Нет... или есть: минуточку терпенья...

XL

Вот вам мораль: по мнению моему,
Кухарку даром нанимать опасно;
Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несогласно
С природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего».

1830 г.

Граф Пудовкин.

Пора, пора! рога трубят,
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят.

3/10

Обломов 12

Пора, пора! рога трубят;
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Всё, подбочась, обозревает;
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкой нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платочке,
Глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу...
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег
Да вой волков. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?
Занятий мало ль есть у ней:
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обед и ужин,
В анбар и в погреб заглянуть, —
Хозяйки глаз повсюду нужен:
Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть
Наталя Павловна) к несчастью,
Наталя Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась, затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей. —
Роман классической, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...
Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьется...
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой,
У мельницы, коляска скачет.
Вот на мосту — к нам точно... нет,
Поворотила влево. Вослед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор;
Коляска на бок. — «Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска:
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?.. беги проведать!
Скорей, скорей!»

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,
И ждет. «Да скоро ль, мой творец?»
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненый, печальный
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает.
Слуга-француз не унывает
И говорит: allons, courage!

Вот у крыльца; вот в сени входят.
Покаместь барину теперь
Покой особенный отводят
И настежь отворяют дверь,
Пока Ricard шумит, хлопочет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour,
С ужасной книжкою Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С *bon-mots* парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо.
Дверь отворилась, входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.

Идут за стол; вот он садится,
 К ней подвигает свой прибор
 И начинает разговор:
 Святую Русь бранит, дивится,
 Как можно жить в ее снегах,
 Жалеет о Париже страх.
 «А что театр?» — О! сиротеет,
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсем оглох, слабеет,
 И мамзель Марс — увьи! стареет.
 Зато Потье, le grand Potier!
 Он славу прежнюю в народе
 Доныне поддержал один.
 «Какой писатель нынче в моде?»
 — Всѣ d'Arlincourt и Ламартин. —
 «У нас им также подражают».
 — Нет? право? так у нас умы
 Уж развиваться начинают.
 Дай бог, чтоб просветились мы! —
 «Как тальи носят?» — Очень низко.
 Почти до... вот по этих пор.
 Позвольте видеть ваш убор;
 Так... рюши, банты, здесь узор;
 Всѣ это к моде очень близко. —
 «Мы получаем Телеграф».
 Ага! Хотите ли послушать
 Прелестный водевиль? — И граф
 Поет. «Да, граф, извольте ж кушать».
 Я сыт и так. —

Из-за стола
Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится, как она мила!
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой; хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно...
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостиной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
«Пора, прощайте! ждут постели.
Приятный сон!..» С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф
Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

— Н. Некрасов, Граф Нулин 2/10

— Бриллентон 12.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои, Параша эта
Наперсница ее затей;
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: «полно, надоела!» —
Спросила кофту и чепец,
Легла и выдти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегаёт он.
Но граф душевно развлечен:
Неугмонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил», —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объёмлет,
Не спится графу — бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло: теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчас, на плеча накинув

Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на всё готовый.

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полужамурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит,
Дорогу ощупью находит.
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрыпит... вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;
Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно поживает
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам...
Она... Теперь с их позволения
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Натали Павловны моей
И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но тут опомнилась она,
И, гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает — пощечину, да, да,
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но шпиц косматый, вдруг залая,
Прервал Параши крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей,
Зевая, занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает, не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило,
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?

- А. Пушкин «Граф Нулин»

- В. Васильев

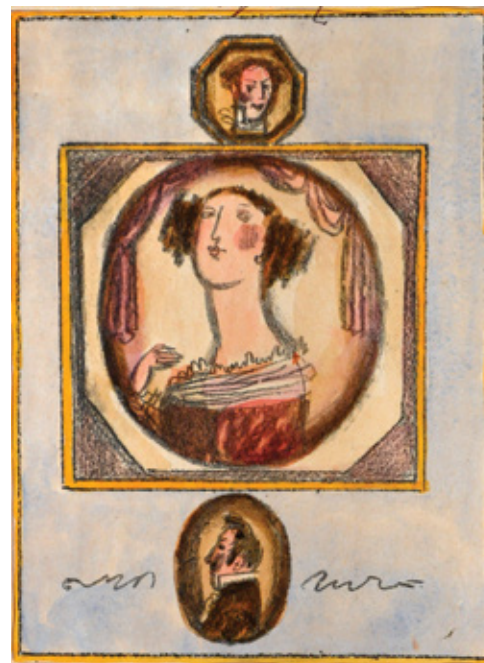
«Наташа, здравствуй.»
— Ах, мой боже!
Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —
«Рад сердечно я...
Какая скверная погода!
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака...
Эй, водки! Граф, прошу отведать:
Прислали нам издалека.
Вы с нами будете обедать?» —
«И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
— Не знаю, право, я спешу.
Нет, граф, оставайтесь!»
Но с досады
И все надежды потеряв,
Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар всё скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена всё мужу рассказала
И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — Как не так! совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

1825

Стихотворения разных лет

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блестящих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину,
И, чуждый призраку блистательному славы,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

1823

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829

72

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ.)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова. (1)
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа -
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

1836

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? -
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? -
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

1836

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, -
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...
Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом.
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых genieв, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колелясь и шумя...

1836

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заростет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждая,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

1836

82

ПУШКИНИАНА ОЛЬГИ БИАНТОВСКОЙ

Эта книга знакомит читателя с творчеством замечательно-го художника, тонкого понимателя и ценителя литературы, истинной петербурженки — Ольги Биантовской.

Ольга Биантовская принадлежит к тому поколению петербургских художников-графиков, которое сформировалось в 60-70-е годы прошлого века. Сформировалось и утвердилось в нашем сознании как поколение блестящих мастеров.

У петербургской школы графики свои отличительные черты и особенности, и великолепная репутация. Здесь, несмотря на все изгибы нашей истории, хранили традиции высокого стиля, отменного мастерства и высокого интеллектуального накала. Да и сам город, законченность и строгость его архитектурных ансамблей, тонкость цветовых сочетаний, широта горизонта, казалось бы, незаметно, но неуклонно, влияют на художника.

Ольга Биантовская еще в Академии Художеств выбрала свой путь в искусстве: её дипломная работа — это цикл иллюстраций, а работа художника-иллюстратора — одна из сложнейших и многотрудных в графике.

«У каждого художника свой путь в искусстве, но иллюстратора отличает в особенности многообразная нагрузка памяти. Он имеет дело с литературой разных стран и времен, и от него требуется постижение духа литературного произведения и той эпохи, в которой живут и действуют герои. Иллюстратор обязан держать в памяти уйму вещей. Он должен помнить, в какие платья одевалась, какую прическу носила и на каких креслах сидела Татьяна Ларина...

Он должен заприметить, как отражаются на человеческом лице и в жестах радость и горе, боль и отчаяние, великодушие и скупость, ибо ему придется передавать душевные движения литературных героев. Все эти «заготовки» накапливаются в кладовой памяти всю жизнь. «Je me souviens» — «Я вспоминаю» — определил свой творческий процесс Доре. Недаром память — Мнемозина считалась у греков матерью всех девяти муз», писал в 1961 году один из корифеев этого вида графического искусства Н. Кузьмин*. Но как бы не многообразна была «нагрузка памяти» художника, а самое главное в его работе, самое сущностное — это внутренняя свобода, которая исключает подражание и слепое копирование, следование за «образцом», вечное ученичество. Только эта внутренняя свобода и дает художнику смелость обратиться к высоким темам.

Мне всегда интересно было понять, что послужило толчком для художника Ольги Биантовской, когда она впервые обратилась к поэмам Пушкина? Она выбрала «Графа Нулина», «Домик в Коломне», «Каменноостровский цикл» (лирику 30-х годов), или это пушкинские строки, их завораживающие ритм и размер, зазвучали в ней с такой силой, что должны были обрести зримый образ?

Все искусствоведы, писавшие о пушкинском цикле иллюстраций Биантовской, отмечают их тесную связь с эстетикой художников «Мира искусств». Но, мне кажется, секрет этой

* Н. Кузьмин. «Давно и недавно», М., «Советский художник», 1982.

связи не в зависимости, а в наследовании. Временной разрыв в несколько поколений только усилил эффект присутствия высоких творческих и культурных интенций, свойственных лучшим мастерам начала XX века, так ярко проявившихся в работах петербургского мастера второй половины века XX и начала XXI века.

Это и не иллюстрации в прямом смысле, а скорее параллельный текст, визуальные вариации на темы Пушкина. В них не рабское следование сюжетам автора, а погружение в то состояние вдохновения и поэтической дерзости, в котором создавались маленькие поэмы, любовная и философская лирика поэта.

Легкая радость бытия в работах, навеянных бурлескной поэмой «Граф Нулин», это только один, первый план изображения, размещенного на небольшом графическом листе, а за ним — тонкая ирония умного толкователя пушкинского текста, прекрасно осведомленного и о исторических аллюзиях Пушкина, и о его намерении иронически порассуждать о «мелких причинах великих последствий». Маленькая «Заметка о «Графе Нулине»** поэта, раскрывающая «ирокоми-

** «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась. Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде. Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть. Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.» А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.

ческое» содержание этой небольшой поэмы «просвечивает» и в графическом цикле художника. Но отсылка к античному сюжету дана ненавязчиво, тонким намеком... Это и «героическая» поза Нулина, и «античные складки» платья Натальи Павловны. А шутивное, бурлескное, игровое предстает в законном пейзаже, пышных формах Натальи Павловны, хитрой улыбке «Лидина — помещика двадцати трех лет», в «духе» Новоржевского уезда, тонко уловленном художником и переданным несколькими легкими штрихами.

Еще одна серия графических листов Ольги Биантовской посвящена интерпретации поэмы «Домик в Коломне». В цветных литографиях, с тонкой игрой многочисленных колористических «подкладок», особую роль играет сам текст, введенный в поле изображения. Поэма написана октавами и начинается со стихотворного, даже стиховедческого рассуждения Пушкина о чередовании рифм, о тройном созвучии:

Четырестопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пущусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

Тонко чувствующий художник, Ольга Биантовская использует стилизацию рукописной копии пушкинского текста, создавая иллюзию сиюминутности создания текста и его жизни в изображении. Доверительность интонации повествователя художник словно бы подтверждает присутствием в первом же графическом листе возлежащего в вольной позе и размышляющего «сочинителя Пушкина», а, продолжая игру,

на одном из следующих листов помещает фигуры прогуливающих и беседующих друзей поэтов — Пушкина и Вяземского. С кем же еще беседовать Пушкину о четырехстопном ямбе и октавах!

А как хороша в этих работах Коломна! Колокольня Никольского собора, ритмичные повторы арок Никольского рынка словно бы усиливают движение глагольной рифмы пушкинского текста.

Среди художников графики слывут самыми большими интеллектуалами — им на роду написано много читать, занимаясь иллюстрированием книг. Любопытно наблюдать в работах Биантовской «вчитывание» в смыслы и «цитирование» стихотворного текста изображением. Вглядитесь хотя бы в лицо «старушки»:

«Старушка (я сто крат видал точь-в-точь
В картинах Рёмбрандта такие лица)
Носила чепчик и очки...»

Всмотримся в графический лист с почти «семейной» идиллией: Параша, старушка-мать и гренадерского роста «Мавруша». И отметим, как точно вырисованы художником характеры героев — лукавая улыбка на лице юной красавицы, застывшее в напряженном ожидании лицо псевдо-кухарки и расплывшийся блин вместо лица у старушки... Лицо есть и его нет. Есть чепчик и очки...

Приступая к работе над иллюстрациями, художник несомненно учитывает опыт своих предшественников. А в иллюстрировании «Домика в Коломне» у Ольги Биантовской был великий предшественник — В. А. Фаворский. И, доверяя нам, зрителям, свои сокровенные переживания, связанные с поисками формы и выразительности изображения, художник в фигуре «одеревеневшей» Мавруши словно бы цитирует созданный Фавор-

ским в технике ксилографии образ героя в женском платье. Добавляя к игровой, шуточной поэме Пушкина ещё одну краску.

Цикл литографий, посвященных лирике Пушкина, озаглавленный в книге «Стихи разных лет», можно было бы назвать визуальными стихами. Они свободны и легки, полны движения и мысли. Мастерское владение техникой цветной литографии позволяет художнику передать и очарование Царскосельского парка, и дружелюбное тепло оленинской усадьбы Приютино, и мучительную для Пушкина атмосферу придворного бала. А как это удается Ольге Биантовской — известно только ей.

Есть художники, чье присутствие в нашей жизни дарит ощущение счастья, «нечаянной радости». Удивительная, волшебная интеллектуальная грация графических работ Ольги Биантовской заставляет говорить о ней как о художнике незаурядном, о художнике узнаваемом, о художнике, несущем своё сообщение «граду и миру».

Произведения Пушкина иллюстрировали в XIX веке и в начале XX, да и век XXI не станет исключением. Изобразительная Пушкиниана многообразна и уникальна как культурное явление. И среди имен Г. Гагарина, А. Нотбека, С. Галактионова, П. Соколова, К. Коровина, В. Серова, И. Репина, М. Врубеля, Д. Кардовского, А. Бенуа, К. Сомова, М. Добужинского, В. Шухаева, В. Масютина, Н. Гончаровой, А. Пахомова, Н. Кузьмина, Т. Мавриной и многих, многих других талантливых русских художников называем мы имя нашей современницы Ольги Биантовской.

*Тамара Мишина-Буковская,
ведущий научный сотрудник Всероссийского музея А.С. Пушкина,
член Российского Союза писателей,
член Союза писателей Санкт-Петербурга*

Биография

Ольга Александровна Биантовская родилась в городе Ленинграде 17 сентября 1941 года. После окончания средней художественной школы при Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Академии художеств СССР в 1960 году поступила на факультет графики этого Института, училась у В. В. Смирнова, В. М. Звонцова, М. А. Таранова.

Ольга Биантовская специализируется в области книжной иллюстрации, дизайна и театрального плаката и приняла участие более чем в 160-ти национальных и международных выставках.

Долгое время являлась членом бюро секции графики Санкт-Петербургского Союза художников России и членом Правления Санкт-Петербургского Союза художников России (творческо-выставочный сектор).

Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры 2002 года за создание альбомов эстампов «История и культура Петербурга в графике», обладатель дипломов Российской Академии художеств и Союза художников России.

О. А. Биантовская — ветеран труда, житель блокадного Ленинграда, награждена медалями «50 лет победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда».

Основные национальные выставки:

- 1967 — «50 лет Советской художественной школы» (Москва)
1969 — «5-я Ленинградская выставка книжной графики» (Ленинград)
1972 — «5-я Ленинградская выставка прикладной графики» (Ленинград, Москва)
1975 — «Русская и советская классика в произведениях советских художников» (Иркутск)
Персональная выставка в музее-квартире Ф. Достоевского (Ленинград)
1976 — 3-я Всероссийская выставка плаката (Уфа)
I Всероссийская выставка театрального плаката (Москва В.Т.О.), 1-2 премия разделена с Э. Дробицким
1977 — I Ленинградская выставка плаката (Ленинград)
1979 — 4-я Всероссийская выставка плаката (Ленинград)
8-я Ленинградская выставка книжной графики
1980 — 6-я республиканская выставка плаката (Москва, Ленинград)
1981 — персональная выставка (книжный салон «Ленинград»)
1982 — персональная выставка в Летнем саду (Кофейный домик, Ленинград)
Всесоюзная выставка эстампа (Москва)
Республиканская выставка «Искусство книги» (Пермь)
8-я республиканская выставка (Ленинград, Москва)
1983 — «225 лет Академии художеств» (Ленинград, Москва)
1984 — Выставка ленинградского плаката в Ц.Д.Х. (Москва)
«Пушкин и его время» (из фондов Центрального музея А.С. Пушкина)(Ленинград, Москва)

- 1985 — Юбилейная выставка, посвященная «Слову о полку Игореве» (Ленинград)
1986 — персональная выставка (Лавка писателей, Ленинград)
Республиканская выставка плаката (Воронеж)
1987 — Всероссийская выставка графики (Иркутск)
9-я Ленинградская выставка книжной графики
1989 — Персональная выставка (Дом дружбы и мира с зарубежными странами, Ленинград)
Всероссийская выставка станковой графики (Москва)
1989, 1990 — две персональные выставки (Государственный Русский музей, корпус Бенуа, лекторий, Ленинград)
1991 — I Всесоюзная выставка зрелищного плаката (Москва)
«100 лет Петербургской книжной графики» (Ленинград)
Республиканская выставка плаката (Владимир)
1993 — «60 лет «ДЕТГИЗу» (Санкт-Петербург)
1994 — «Экспериментальная мастерская им. Н. Тырсы» (музей городской скульптуры Санкт-Петербурга)
«Золотой Фонд» — коллекция Союза художников Санкт-Петербурга
1995 — «200 лет Национальной публичной библиотеке» (Санкт-Петербург)
1997 — «Русский балет глазами петербургских художников»
1999 — «Болдинская осень» (Москва)
Две персональных выставки (Всероссийский музей А.С. Пушкина, Царское Село, Дача Китаевой)
2000 — «200 лет со дня рождения А. С. Пушкина» (Санкт-Петербург)

- «Петербург-Москва» (Санкт-Петербург)
 Всероссийская выставка к 2000-летию Рождества
 Христова (Москва)
- 2001 — «Москва-Петербург» (Москва)
 Выставка-конкурс «Эстамп 2000» (первая премия,
 Санкт-Петербург)
 Персональная выставка — Государственный музей-
 заповедник А.С. Пушкина (с. Михайловское)
- 2002 — персональная выставка
 (Всероссийский музей А.С. Пушкина, Мойка, 12,
 Санкт-Петербург)
 «Художники — городу. 70 лет Санкт-Петербургского
 Союза художников»
- 2003 — персональная выставка
 (Всероссийский музей А.С. Пушкина, Царское Село,
 Дача Китаевой)
- 2012 — персональная выставка в рамках Балтийской биенале
 современного искусства 2012 совместно с Музеем
 современных искусств имени С. П. Дягилева СПбГУ
 (Музей В. В. Набокова, Санкт-Петербург)
- 2013 — персональная выставка в Государственной
 академической Капелле Санкт-Петербурга
 (Санкт-Петербург)
- 2014 — персональная выставка
 (Санкт-Петербургский Союз художников)
- 2015 — персональные выставки:
 Государственный историко-архитектурный
 и природный музей-заповедник «Изборск»
 Псковское региональное отделение
 Союза художников России
 Мемориальный музей-усадьба
 Н. А. Римского-Корсакова (Любенск, Вечаша)

Организации России, где находятся работы О. А. Биантовской:

Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
 Калининская областная художественная галерея (Тверь)
 Научный музей Академии художеств России (Санкт-Петербург)
 Театральный музей им. А. Луначарского
 Областной художественный музей (Иван-город)
 Народный музей в селе Шушенское
 Центральный Государственный музей А.С. Пушкина (Москва)
 Государственный музей А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)
 Брянский художественный музей
 Национальная публичная библиотека им. В. Ленина (Москва)
 Национальная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-
 Щедрина (Санкт-Петербург)
 Дирекция выставок ЛОСХ
 Литературно-художественный музей-усадьба А. Толстого
 (Самара)
 Дирекция выставок Союза художников России
 Музей городской скульптуры Санкт-Петербурга
 Комитет по культуре Мэрии Санкт-Петербурга
 Театральный музей им. М. Бахрушина (Москва)
 Новгородский государственный музей-заповедник

Основные зарубежные выставки:

- 1976 — Выставка-конкурс театрального плаката, г. Киль, ФРГ, «Неделя театра в Киле»
- 1978 — VIII Бьеннале дизайна и плаката, Брно, ЧССР
- 1980 — VIII Бьеннале плаката, Варшава, ПНР
- 1982 — X Бьеннале дизайна и плаката, Брно, ЧССР
- Выставка советского плаката в Италии (Рим, Милан, Генуя, Венеция)
- Выставка театрального плаката в Политехническом музее Лос-Анджелеса, США
- 1983 — V Бьеннале плаката, Лахти, Финляндия
- Выставка советской иллюстрации в Венгрии (Будапешт)
- 1985 — IV Бьеннале плаката, Лахти, Финляндия
- 1986 — XII Бьеннале дизайна и плаката, Брно, ЧССР
- 1987 — VII Бьеннале плаката, Лахти, Финляндия
- 1988 — Международная выставка живописи, скульптуры и графики (из коллекции Ван Заврел, Голландия)
- 1988 — II Бьеннале плаката, Музей плаката города Тояма, Япония
- Выставка восточноевропейского искусства, Гаага, Голландия
- 1989–1990 — «39 советских иллюстраторов», Милан, Рим, Венеция, Италия
- 1990 — Инвитационная выставка США-СССР «Форум плаката в Огаки», Япония
- 1991 — советско-французская выставка иллюстраций к детской литературе «Лес Чудес», Париж, Москва
- 1993 — «Искусство Санкт-Петербурга», Гренобль, Париж, Франция
- «Месяц графики в Эшероле», Франция
- 1994 — Миланская опера «100 лет балету «Щелкунчик», Милан-Рим, Италия
- 1995 — «Петербургский плакат и иллюстрации», Милан, Рим, Италия
- 1996 — Выставка российского зрелищного плаката на международном симпозиуме, Нордхемптон, Не-Не колледж изобразительного искусства и дизайна, Великобритания
- «Плакаты со всего мира, 1900-1990 годы», Истинная галерея плаката, Лондон, Великобритания
- 2000 — «Мир друзей Яна Райлиха», Брно, Чехия

Зарубежные музеи и коллекции

Икограда Фаундейшн, Лондон, Великобритания
Музей декоративного искусства, Копенгаген, Дания
Музей Политехнического института Лос-Анджелеса, США
Университетский музей Нью-Йорка, США
Музей современного искусства, Нью-Йорк, США
Собрание университета в городе Киле, Германия
Музей плаката в Варшаве, Польша
Музей плаката в Брно, Словакия
Музей плаката в Лахти, Финляндия
Коллекция д-ра Рене Ваннера, Швейцария
Коллекция д-ра Фолькера Штебера, Германия
Коллекция д-ра Ван Заврел, Голландия
Коллекция д-ра Яна Райлиха, Брно, Словакия
Музей университета Форт-Коллинз, Колорадо, США
Музей плаката города Тояма, Япония
Музей современного искусства города Огаки, Япония
Собрание Оддо ли Грандиса, Милан, Италия

Список основных работ

Графические серии и иллюстрации:

Серия цветных литографий к произведению Л. Леонова «Соть», 1967—1968 гг.
Серия цветных литографий по роману Л. Сейфуллиной «Виренея», 1968—1969 гг.
Геннадий Черкашин, «Вкус медной проволоки», Детгиз, 1969 г.
Серия литографий к роману Л. Леонова «Вор», 1971 г.
А. Шевцов, «Трудные шаги на рассвете», Советский писатель, 1971 г.
Серия цветных литографий «На ситценабивной фабрике Веры Слуцкой», 1977 г.
Б. Алмазов, «Белый шиповник», Детгиз, 1979 г.
А. Н. Толстой, «Петр I», серия литографий, 1979—1981 г.
Ростислав Корнев, «Семейная фотография», Советский писатель (Ленинград), 1979 г.
Ю. Алянский, «Рассказы о Русском музее», Лениздат, 1981 г.
Ф. Углов, «Сердце хирурга», Детгиз, 1981, 1987 гг.
Серия цветных литографий «Путешествие в г. Ломоносов (б. Ораниенбаум)», 1982—1986 гг.
А. С. Пушкин, «Граф Нулин», серия литографий, 1982, 1985, 2002 гг.

Божена Немцова, «Карла и другие рассказы», Детгиз, 1984 г.

Серия цветных литографий к роману Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день», 1984 г.

Л. Н. Толстой, «Война и мир», серия литографий, 1985 г.

«Бесстрашный Микеш. Сказки», Детгиз, 1987 г.

Серия цветных литографий «Летний сад», 1987 г.

А. С. Пушкин, «Домик в Коломне», серия цветных литографий, 1987, 2002 г.

А. С. Пушкин, «Годы жизни и творчества», серия цветных литографий, 1987, 1999, 2002 гг.

«Добрый молодцам урок. Книга сказок», Иркутск, 1987 г.

В. Максимов, «Туры мои золоторогие», Детгиз, 1989 г.

А.П. Чехов, «Пьесы», Детгиз, 1989 г.

А. Н. Апухтин, «Стихотворения», Детгиз, 1990 г.

Н. Готорн, «Рассказы в Тэнглвуде», Детгиз, 1990 г.

Ростислав Корнев, «Стриптиз по пятницам», Советский писатель, 1990 г.

Черри Гаррард, «Самое ужасное путешествие», Гидрометеиздат, 1991 г.

«Ярмарка сказок», Детгиз, 1992 г.

«Калевала», изд. «Столица» (Москва), 1992 г.

Серия литографий «Утро на Неве», 2000 г.

Серия литографий «Белые ночи», 2001 г.

Серии плакатов к русским и зарубежным балетам (1970—2003)

Государственный академический театр им. С. Кирова (Мариинский) — плакаты к спектаклям О. Виноградова:

«Хованщина»

«Гусарская баллада»

«Лоэнгрин»

«Фея Рондский гор»

«Жизель» — II

«Тщетная предосторожность»

«Коппелия» — II

«Ромео и Джульета»

«Спящая красавица»

«Броненосец Потемкин»

«Ярославна»

«Сильфида»

Малый академический театр им. Мусоргского — плакаты к спектаклям О. Виноградова:

«Балет Малегота»

«Жизель»

«Коппелия»

«Лебединое озеро»

«Золушка»

Хореографические миниатюры:

Л. Якобсон. «Клоп», «Классицизм — романтизм»

Б. Эйфман «Классика — звезды — шедевры».

О проекте «Сохраненная культура»

Прошедшие десятилетия истории России были полны драматических событий и свершений. Смена эпох и формаций многое поменяла в нашей жизни. За чередой изменений важная часть нашего прошлого и настоящего — отечественное культурное наследие — начинает стираться и, если не обращать на это внимание, может исчезнуть окончательно.

Больше всего страдают от перемен:

— создатели культурного слоя России XX века, те, кто исторически ближе всего к современной эпохе, но оказались ею не востребованными;

— юные россияне, не по своей вине теряющие целый пласт отечественного культурного наследия и знаний о своей истории и культуре в созданных авторами уходящего времени образах и произведениях.

Художественные произведения различных жанров, форм и средств выражения, будучи созданными отечественными художниками, писателями, поэтами, скульпторами, архитекторами, учеными и другими творцами интеллектуального богатства нашей нации в XX веке, оказались забытыми и не востребованными, при том что их работы не потеряли ни актуальности, ни силы выражения, ни социальной значимости.

По духу они более близки старшему поколению, но также могут и должны стать существенной частью знаний для формирования культуры будущего страны — юных россиян. Самой прямой дорогой, которая может привести страну и общество к сохранению культурного наследия

и формированию вокруг него новой идеологии России, может стать систематический поиск людей, творивших в прошлом веке или знавших их друзей и родственников, а также создание системы в информационном пространстве Интернета, с помощью которой страна и наши соотечественники в СНГ и мире получат возможность сохранить созданные с таким трудом культурные ценности. На решение этой задачи и направлен проект «Сохраненная культура».

Сверхидея проекта — активное вовлечение в этот процесс детей и молодежи, будущих граждан своей страны и носителей культуры, а также использование новых информационных технологий как для перевода культурного наследия в цифровой формат, так и для перевода его в общественное достояние.

Первым в рамках проекта в конце 2010 года вышел альбом ленинградского и петербургского художника-графика и плакатиста Ольги Александровны Биантовской «Ольга Биантовская. Графика. Плакат», позже, в начале 2012 года, вышел CD-диск с ее работами, затем, в мае 2012 года, вышел CD-диск с акварелями архитектора и художника Ирины Георгиевны Бухман (1917–2002) — «Путешествия И. Г. Бухман: архитектура в акварелях». Четвертым в июне 2012 года был выпущен художественный альбом работ петербургского художника Георгия Николаевича Рашкова «Иронический реализм».

В декабре 2012 года в рамках проекта вышел CD-диск «Труды по истории градостроительства» с трудами и личными архивами декана архитектурного факультета Института

живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, советского архитектора и историка градостроительства Виктора Ильича Кочедамова (1912–1971), приуроченный к 100-летию со дня рождения архитектора. В апреле 2013 года материалы «В. И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства» были дополнены и переизданы на DVD-диске.

В это же время вышел буклет выставки «Ольга Биантовская. Графика и плакат» (с CD-диском), прошедшей в Государственной академической Капелле Санкт-Петербурга 15 апреля — 12 мая 2013 года. В июле 2013 года вышла книга Владимира Карлика «Сергей Григорьев, Любовь Чернышева. Двойной портрет», которая продолжает тему российского балета, нашедшую отражение в рамках проекта в плакатах О. А. Биантовской. В сентябре 2013 года CD-диск «Путешествия И. Г. Бухман: архитектура в акварелях» был дополнен найденными работами И. Г. Бухман и переиздан. В декабре 2013 года вышло третье издание DVD-диска архивов В. И. Кочедамова, и его личные архивы по Сибири и Средней Азии переданы в дар Омскому государственному историко-краеведческому музею.

В 2014 году было осуществлено электронное репринтное переиздание всех монографий и основных статей В. И. Кочедамова в электронной форме, а также осуществлено опубликование в Интернете полного содержания альбома О. А. Биантовской (2010), CD-диска И. Г. Бухман и DVD-диска с архивами В. И. Кочедамова. В октябре 2014 вышел новый DVD-диск «Художник Ольга Биантовская. Творчество на рубеже веков», содержащий все основные серии произведений автора. Завершила цикл 2014 года книга «Александра Махровская: ученый и градостроитель. Воспоминания друзей и коллег». В ней рассказывается о творчестве и жизни ученого и градостроителя, чл.-кор. РААСН

А. В. Махровской (1917–1997), публикуются воспоминания ее друзей, коллег и современников, а также фрагменты научных работ А. В. Махровской в сфере реконструкции исторических городов.

В апреле 2015 года завершена оцифровка всех архивов В. И. Кочедамова и вышел двойной DVD-диск «Виктор Ильич Кочедамов. Труды и архивы по истории градостроительства. Сибирь. Санкт-Петербург». В августе 2015 года при поддержке «Сохраненной культуры» вышел фотоальбом А. С. Мысько и В. М. Станковского «Выборг и Монрепо». В декабре 2015 года вышло в свет издание «Серебряное кольцо России». В этой книге, чьим основным автором и вдохновителем является Тамара Николаевна Чистякова, рассказывается об идее и реализации единой туристическо-рекреационной системы «Серебряное кольцо» на территории северо-запада России, избранных достопримечательностях его одиннадцати регионов, проектах организаций, волонтеров и энтузиастов, направленных на защиту и сохранение культурного наследия и развитие туризма на северо-западе страны. Издание второе книги (переработанное, дополненное и исправленное) было размещено в Интернете в мае 2016 года.

С 2012 года в рамках проекта осуществляется создание 3D-панорам выставок, интерьеров и объектов культурного наследия. Так, в 2015 году была создана трехмерная панорама Свято-Троицкого кафедрального собора города Саратова и храма «Всех скорбящих Радосте» (Санкт-Петербург). В 2016 году это направление нашло свое развитие в разработке открытой технологии с учебным пособием, ориентированным на начинающих энтузиастов, которые хотят защитить пространство культурного достояния, сохраняя его в форме электронных трехмерных объектов-экскурсий.

СТИХИ И ПОЭМЫ

А. С. Пушкина

с иллюстрациями О. Биантовской

Автор-составитель — В. Наумов

Художественное оформление,
оригинал-макет — И. Цветкова

Подписано в печать 24.08.2016. Формат 120x160 мм
Бумага мелованная. Печать офсетная. Тираж 800 экз.
Заказ № 33/1

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
Россия, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15
<http://www.npprint.com>

«О. Биантовская с какой-то невероятной смелостью и зрелым для художника мастерством обращается не только к разным видам графического искусства, но и определяет свою эстетику, своё видение не просто мира, а балета, музыки, поэзии...

Её героем, таким равным, становится Пушкин (плакат для Музея Пушкина). Она с молодости стала жить в мире, весьма далёком от политических событий. Ленинград, известные виды, она «населяет» иными людьми – образами пушкинской эпохи, превращаясь сама в Наталью Николаевну. Тут дело совсем не в изучении старинных гравюр. Суть в её одарённости чувствовать и видеть, например, 1836 год. Посмотрите на эти произведения:

«Бал у Карамзиных» с ощущением музыкального ритма, пронизывающего композицию, с этим невероятным голубоватым белым пятном посредине; «Царское село» – тончайшее понимание русской природы, выраженное с европейским чувством восхищения. Такое количество разных планов, создающих абсолютно целостное восприятие произведения. Это и есть мастерство.»

Из статьи заслуженного деятеля искусств, доктора искусствоведения, профессора Т. С. Юрьевой «Ускользящая натура», 2010 г.

